

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.М. РОГОЗИН

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ СТАРЕНИЯ, ИЛИ ТРУД, ЗНАНИЯ И ЗДОРОВЬЕ В СТАРШЕМ ВОЗРАСТЕ

Цель исследования — представить теоретические и эмпирические ресурсы для конституирования либеральной позиции по отношению к старшему возрасту. Статья написана по результатам количественного исследования, проведенного в Ивановской области в конце мая 2012 года. По случайной выборке мобильных и стационарных телефонов опрошено 1204 жителя области старше 50 лет. Анализ данных проведен по четырем значимым для либерализации старшего возраста областям: здоровью, занятости, обучению и субъективным оценкам роли и места пожилых в трудовом процессе. Представлена регрессионная модель зависимости субъективной оценки здоровья от социально-демографических переменных. Разработана типология отношения к обучению людей старшего возраста. Показаны основные характеристики разных по отношению к обучению групп пожилых. Рассчитан индекс позитивного отношения к труду.

Ключевые слова: возрастная идентичность, занятость, избегание старости, Ивановская область, либерализация старения, образование пожилых, отношение к труду, старший возраст, стигматизация пожилых.

Разговоры о старении населения; постоянном увеличении среднего возраста, связанном с ростом продолжительности жизни; сокращении детской смертности и уменьшении рождаемости давно стали общим местом в разработке социальной политики ведущих европейских

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, директор Центра методологии федеративных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, корп. 2. Телефон: 8 (926) 847-60-81. Электронная почта: d.rogozin@list.ru

стран [20]. Россия — не исключение [1; 2; 7; 12; 13¹]. Более трети населения страны находится в предпенсионном возрасте или на пенсии. Прогнозируемая нагрузка на работающих людей, связанная с необходимостью производить пенсионные выплаты, постепенно становится реальной угрозой сбалансированному бюджету страны и подталкивает политиков и экономистов искать альтернативные способы расчета пенсий. Как правило, разработка программ по снижению роли государства в экономическом обеспечении старшего поколения в России объясняется исключительно нехваткой средств и увеличивающимися диспропорциями в возрастной структуре.

Вместе с тем отказ от патерналистских позиций в отношении государства, включение населения в планирование и реализацию пенсионных программ отражает общемировую тенденцию либерализации рынка социальных услуг и оправдано не только экономическими, но и социальными соображениями. Как пишет В. Мау, «государство должно обеспечивать и стимулировать, прежде всего, максимальное продление активной жизни человека, т. е. здравоохранение, профилактику, здоровый образ жизни. Кроме того, государство должно страховать от инвалидности и очевидной бедности. То есть помогать тем, кто без этой помощи обойтись точно не может» [6]. Регуляция рыночных отношений и обеспечение минимальных прав и гарантий малоимущим и недееспособным слоям населения составляет лишь одну часть государственного присутствия в социальной сфере. Другая, не менее важная, — это участие в рынке социальных услуг в качестве равноправного игрока, конкурирующего по качеству и доступности услуг с негосударственными организациями. Иными словами, в либеральной концепции государство рассматривается в качестве партнера, а не единственного гаранта всеобщего благосостояния, обладающего монополией на поддержание приемлемого уровня жизни.

Цель статьи — представить теоретические и эмпирические ресурсы для конституирования либеральной позиции по отношению к старшему возрасту.

Концептуализация либеральной позиции

Проанализировав сотни исследований и аналитических текстов, посвященных старению, Джон Винсент обозначил ключевую дихотомию, определяющую положение людей старшего возраста, как либерализацию от старения и либерализацию старения. В частности, он пишет:

Пожилым возраст не может быть чем-то, чего следует избегать. Очень важно различать «либерализацию от старшего возраста» от «либерализации старшего возраста». Первая достигается через продолжающуюся

¹ Или см. повторную публикацию: *Синявская О.В.* Как повышать пенсионный возраст в России // Отечественные записки. 2005. № 3.

молодость, в то время как вторая — через конструирование значимости «третьего возраста». Или другими словами, первая конструируется через вневозрастную идентичность, а вторая представляет собой освобождение от ограничений среднего возраста. Первая — не более чем иллюзия, вторая — реальная возможность [35, p. 168].

Джон Винсент отдельно останавливается на принципиальной разнице между представлением о старении отдельного человека и старением общества в целом. В первом случае акцент делается на поиск личных практик, во втором — на социально-демографические тренды и тенденции, приводящие к кардинальному изменению социальных структур.

На пересечении двух концептуальных различий (особенности либерализации и тип субъекта) можно помыслить стратегии старения, опосредованные современными представлениями о мире (рис. 1).

	Либерализация старения	Либерализация от старения
общество	Осмысление старшего возраста; перераспределение стареющего социума	Медиализация старшего возраста; стратегия на уменьшение периода старости
индивидуум	Формирование возрастной идентичности; поиск преимуществ старшего возраста	Избегание старости; копирование молодежных практик

Рис. 1. Две стратегии либерализации старшего возраста на индивидуальном и коллективном уровнях

В основе либерализации от старения лежит страх пожилого возраста, маркированный в современных обществах западного типа как период последовательных лишений и утрат. Не случайно, отвечая на вопрос Левада-Центра: «какой возраст является наилучшим?», подавляющее большинство называет период от 20 до 40 лет, а возраст старше 65 лет не упоминается уже никем из опрошенных [5, с. 53]. Попытки бегства от возраста, сокрушение по поводу изменения мира, непонимания молодых, ухудшение здоровья, быстрая утомляемость, уход друзей и потеря отношений с родственниками задают отрицательную идентичность пожилого человека.

Роберт Атчли описывает основную адаптивную стратегию принятия старения как продолжение или сохранение привычных практик и норм независимо от изменения социальных условий и психофизиологического состояния [16, p. 1–3]. Наибольший риск такая стратегия приносит людям, интенсивно работающим до выхода на пенсию [34]

и одновременно отказывающимся от какой-либо занятости². Не замечать изменений, пытаться избежать их последствий, отремонтировать разрушенное и вернуть, хотя бы частично, прежнее состояние — все это составляет питательную почву для тотальной медиализации социума³, или главенства медицинских практик в определении судьбы пожилого человека [14, с. 50]. Даже смерть становится прерогативой медиков, и родственники, самые близкие люди, допускаются к умирающему лишь по санкции врачей.

Население мира постепенно стареет: резко сокращается младенческая смертность и растет продолжительность жизни, что приводит к существенному увеличению среднего возраста популяции. Современный человек уже довольно продолжительную часть своей жизни находится в пожилом возрасте. Редуцировать десятилетия до состояния дожития — непозволительная роскошь, если не сказать безответственность по отношению к себе и окружающим людям. Как это ни парадоксально звучит, основной проблемой старшего возраста становится не ухудшение здоровья, сокращение социальных связей или потеря близких людей, а способ осмысления этих перемен. Дж. Винсент отмечает:

В западном обществе быть старым по определению значит быть больным. Акцентирование на болезнях в старшем возрасте не может быть естественным. Болезнь — не однозначный и неотвратимый признак старения, но последствие того, как мы организуем наше общество (включая то, как мы организуем и применяем наши знания). Возможно, пожилые люди рассматриваются в качестве больных и зависимых от системы здравоохранения потому, что они становятся объектами для размышлений и действий других людей [35, p. 167].

Итак, основной чертой современных представлений о пожилом возрасте Дж. Винсент считает главенство медицинских интерпретаций. Институт врачебной практики полностью переопределил представления о старости, вытеснив иные социальные или религиозные интерпретации. Пожилой возраст рассматривается как период болезни и приближающейся смерти. Потеря трудоспособности и постепенное ухудшение здоровья, вплоть до полной беспомощности, может вызывать лишь чувство страха и отчаяния. В такой мировоззренческой позиции нет ни будущего, ни настоящего:

² Верно и обратное — самодостаточные, слабо включенные в трудовые отношения люди менее подвержены риску возникновения депрессии, обусловленной невозможностью продолжать привычный образ жизни [31].

³ Не удивительно, что «биомедиализация» остается доминирующей парадигмой в геронтологических исследованиях [17, p. 6], в которых социальные аспекты старения трактуются исключительно с помощью медицинских интерпретаций.

Уже вступление в пожилой возраст лишает человека каких-либо перспектив. Хорошая старость — это всего лишь удержание молодости, замедление неотвратимых процессов деградации и разрушения, не более чем либерализация от старения (по Дж. Винсенту). Таков безысходный и трагичный образ старости.

Либерализация старения — ответ на складывающиеся демографические тенденции. Следует не бежать от старости, а искать в ней смысл, исключительные возможности и перспективы. В первую очередь это освобождение старшего возраста от накопленных стереотипов; отказ от тотального техногенного подхода, опирающегося на медицинские диагнозы; открытие новых идентичностей, основанных на прожитых годах, опыте, недоступном в более раннем возрасте.

Физическое самочувствие, или субъективная оценка здоровья, становится ключевым параметром в либеральной интерпретации старения. Гораздо важнее чувствовать себя здоровым, нежели иметь тому формальные подтверждения. Речь не идет о радикальном отказе от медицинских практик. Утверждается лишь освобождение от их тотального диктата над жизнью пожилого человека. Как будет показано ниже, субъективное здоровье наиболее сильно связано с трудовой деятельностью и образованием. Именно на этой триаде — здоровье, труд и знания — может быть выстроен либеральный образ активной старости, самодостаточной в поиске ресурсов и средств, необходимых для реализации собственных идей и целей.

Опросный инструмент

Операционализация базовых концептов активного старения представлена в четырех взаимосвязанных блоках, в каждом из которых выделяются зависимые и независимые переменные (табл. 1).

В первом блоке анализируется субъективное восприятие здоровья. Проводится сопоставление позитивных и негативных оценок в разных социально-демографических группах. Для определения влияния социально-демографических переменных на субъективную оценку здоровья строится логистическая регрессионная модель.

Во втором блоке рассматривается занятость старшего поколения. Для этого строится вторичная переменная профессионального статуса как пересечение ответов на вопросы о работе и получении пенсии. Подвергаются проверке гендерные различия в трудовой активности разных возрастных групп.

В третьем тестируется гипотеза расположенности людей старшего возраста к обучению. На пересечении вопросов о личной готовности к получению новых знаний и представлении о способности к этому у других конструируется типология отношения к обучению.

В четвертом блоке строится индекс позитивного отношения к труду старшего поколения. Для этого респондентам предлагается согласиться или не согласиться с четырьмя высказываниями: 1) «обычно пожилые сотрудники, в сравнении с молодыми, больше

времени и сил отдают работе»; 2) «у большинства пожилых людей отсутствует достаточная мотивация, они не стремятся к карьерному росту»; 3) «большинство пожилых сотрудников не способны воспринимать новое, работают по старинке»; 4) «как правило, пожилые сотрудники в организации — опора в самых сложных рабочих ситуациях». Далее анализируются значения индекса в пространстве социально-демографических признаков и вторичной переменной отношения к обучению, построенной в третьем блоке.

Таблица 1

Анализируемые переменные

Анкетный вопрос	Отказ от ответа	
	№*	%
ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ		
Как вы оцениваете свое здоровье — как хорошее, скорее хорошее, скорее плохое или плохое?	82	7
Получаете ли вы пенсию? Если да, то какую?	0	0
Вы сейчас работаете?	1	0
По вашему мнению, если говорить в целом, способны или не способны люди старшего возраста учиться, приобретать новые знания?	152	13
Хотели бы вы лично пройти обучение, получить новые знания, навыки?	34	3
НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ		
Пол (вопрос не задавался)	0	0
Скажите, пожалуйста, сколько вам полных лет?	0	0
Вы живете в Иваново, другом городе или в селе, деревне?	16	1
Скажите, пожалуйста, какое у вас образование?	4	0
Пользуетесь ли вы интернетом? Если да, то каждый день, несколько раз в неделю или несколько раз в месяц и реже?	7	1

*N — количество человек, затруднившихся с ответом, % — процент от общего числа опрошенных

Все интервью записывались на аудионоситель, что дало возможность статистические распределения дополнить фрагментами прямой речи — как для иллюстрации предлагаемых заключений, так и для дополнительной проверки качества построенных моделей. Кроме проведения пилотажа, разбор высказываний респондентов позволяет оценить адекватность и однородность понимания предлагаемых вопросов.

Выборка

В конце мая 2012 года Центром методологии федеративных исследований РАНХиГС при Президенте РФ совместно с Благотворительным фондом «Ладога» и АНО «Социальная валидация» проведен телефонный опрос жителей Ивановской области в возрасте от 50 лет и старше⁴. Если

⁴ Мишель Уайт отмечает, что 50 лет — это точка отчета для старшего возраста в большинстве социальных исследований [36, p. 455], что вполне согласуется как с обыденными, так и с профессиональными представлениями о старении [27].

трубку брал абонент моложе 50 лет, его спрашивали о проживании с ним кого-либо старше этого возраста и в случае положительного ответа задавали вопрос о возможности поговорить с этим человеком или об удобном времени перезвонить позже по этому или другому телефону.

Всего опрошено 1204 человека по случайной двухосновной выборке мобильных и стационарных телефонов, что позволило включить отдаленные от районных центров сельские поселения и существенно расширить территориальный охват исследования.

Выборка строилась на основе опубликованных на официальном сайте Федерального агентства связи (Россвязь) ABC и DEF диапазонов телефонных номеров, действующих в Ивановской области. ABC диапазоны включают географически привязанные номера (стационарные телефоны, в том числе квартирные), номера из DEF диапазонов не обладают жесткой географической привязкой (мобильные номера). Количество отбирившихся в диапазоне номеров прямо пропорционально общему количеству номеров в диапазоне (объему диапазона). Выбор номеров из диапазонов происходил случайным образом при помощи систематического отбора с шагом, равным отношению объема диапазона к количеству отбираемых в диапазоне номеров. При таком способе отбора каждый телефонный номер из всех диапазонов DEF или ABC имеет равную вероятность попадания в выборку.

Отбор респондентов проводился отдельно для DEF и ABC диапазонов. Регулируемым параметром в выборке являлось соотношение (квота) на DEF и ABC номера. Этот параметр рассчитывался на основе данных опроса Фонда «Общественное мнение», проведенного в Ивановской области в мае 2011 года (выборка 800 респондентов, репрезентативный опрос по месту жительства людей 18 лет и старше). По результатам этого опроса среди людей 50-ти лет и старше (целевая группа) у 78% есть личный мобильный телефон, у 54% есть стационарный домашний телефон и 7% не телефонизированы. Из этого следует, что 7% целевой группы исключается из выборки исследования. Среди телефонизированной части целевой группы у 42% есть только мобильный телефон, у 16% есть только домашний стационарный телефон, у 42% есть оба телефона. Примем гипотезу о независимости вероятности участия в опросе людей с двумя типами телефонов от типа телефона, на который проводится звонок. Эта гипотеза позволяет считать, что людей с двумя типами телефонов можно разделить на две равные группы в зависимости от типа телефона, по которому они опрашиваются. Следовательно, квота на респондентов, опрашиваемых по стационарным телефонам составляет $37\% = 16\% + 42\% / 2$ (часть целевой группы, у которой есть только стационарный телефон, и половина от части целевой группы, у которой есть оба телефона). А квота на респондентов, опрашиваемых по мобильным телефонам, составляет $63\% = 42\% + 42\% / 2$. Таким образом, при общем объеме выборки 1204 респондента 446 респондентов опрошено по стационарным домашним телефонам, а 758 — по мобильным.

Из сгенерированной случайным образом выборки телефонных номеров 44% оказались действующими. Коэффициент ответов, или отношение полностью взятых интервью ко всем действующим телефонным номерам, по которым звонили интервьюеры, составил 12%. Коэффициент кооперации, или отношение полностью взятых интервью к телефонным соединениям, в которых ответил абонент, составил 22%. Коэффициент отказов, или отношение суммы отказов от интервью к общему числу звонков, составил 40%. Коэффициент контактов, или количество абонентов, взявших трубку, к общему числу набранных номеров, составил 55%, то есть уровень технической недостижимости составил 45%. Таковы характеристики выборки, позволяющие делать заключение о качестве ее реализации.

Субъективное восприятие здоровья

Один из важнейших показателей качества жизни — субъективное восприятие здоровья. В старшей возрастной группе более половины опрошенных оценивают свое здоровье как хорошее или скорее хорошее и лишь 16,8% — как плохое (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как вы оцениваете свое здоровье, как хорошее, скорее хорошее, скорее плохое или плохое?»⁵

Варианты ответов	Кол-во ответивших				
	абс. знач.	%	валидный %	накопленный %	
Валидные	хорошее	144	12,0	12,8	12,8
	скорее хорошее	459	38,1	40,9	53,7
	скорее плохое	331	27,5	29,5	83,2
	плохое	188	15,6	16,8	100,0
	ВСЕГО	1122	93,2	100,0	
Пропуски	затрудняюсь ответить	82	6,8		
ИТОГО		1204	100,0		

⁵ Практически в аналогичной формулировке вопрос задают исследователи многих стран мира. В Западной Европе, США, Канаде и других развитых странах доля негативных ответов значительно ниже, что подталкивает исследователей смещать шкалу вторичной переменной в сторону позитивных ответов. Так, нидерландские исследователи [32, р. 286–287], выбрав в качестве зависимой переменной в регрессионной модели вопрос «Как в целом вы оцениваете свое здоровье — (1) отлично, (2) хорошо, (3) удовлетворительно, (4) иногда хорошо/иногда плохо и (5) плохо?», обнаружили, что люди весьма редко выбирают ответы, расположенные по шкале ниже «хорошо». В результате они были вынуждены преобразовать шкалу в трехразмерную: «отлично», «хорошо» и «ниже, чем хорошо». Однако такие преобразования не лишают нас возможности сопоставлять данные, полученные в разных странах.

Вполне закономерно, что с возрастом все меньше людей позитивно оценивают свое здоровье: в группе от 50 до 54 лет включительно говорили о хорошем здоровье 70% опрошенных, от 72 лет и старше — всего 29% (табл. 3). Однако не меньшая связь обнаруживается между оценкой здоровья и полом, получением пенсии, наличием работы и высшего образования. Из отобранных социально-демографических показателей только место жительства не так сильно коррелирует с субъективной оценкой здоровья. Напротив, наличие работы дает максимальное значение хи-квадрата. При одинаковых степенях свободы (df) с переменными пола и наличия высшего образования мы уже можем сделать предположение о большем положительном весе занятости в оценке своего самочувствия людьми старшего возраста (табл. 3).

Таблица 3

Доля позитивных ответов на вопрос о здоровье среди разных социально-демографических групп старшего возраста

Социально-демографические группы	Хорошее здоровье*		Всего в группе, абс. знач., чел.	χ^2_{**}	df	Sig.
	абс. знач., чел.	%				
ПОЛ				35,601	1	0,000
муж.	210	68,2	308			
жен.	393	48,3	814			
ВОЗРАСТ				108,489	4	0,000
50–54	187	69,8	268			
55–57	118	67,0	176			
58–62	149	58,7	254			
63–71	91	41,2	221			
72+	58	28,6	203			
ПОЛУЧАЕТ ПЕНСИЮ				48,813	1	0,000
да	428	48,4	885			
нет	175	73,8	237			
РАБОТАЕТ				133,840	1	0,000
да	353	73,7	479			
нет	250	38,9	643			
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ				41,520	1	0,000
да	188	71,2	264			
нет	415	48,6	854			
МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА				5,585	2	0,101
Иваново	260	57,8	450			
другой город, поселок городского типа	266	52,2	510			
село, деревня	73	49,3	148			

*Хорошее здоровье — порядковая переменная преобразована в дихотомическую посредством объединения двух типов ответов: «хорошее» и «скорее хорошее» — в «хорошее» здоровье, «плохое» и «скорее плохое» — в «плохое». Соответственно, вычитание из единицы доли говоривших о хорошем здоровье дает долю людей, оценивших свое здоровье как плохое.

** χ^2 — хи-квадрат, df — степени свободы, Sig. — уровень значимости.

Уместно поставить вопрос, так ли детерминировано здоровье возрастом? Не являются ли самоощущения пожилых людей социальными конструктами, обусловленными их включением в те или иные социальные практики? Насколько естественна и закономерна медиализация старости, навязываемая современными медицинскими практиками?

Коэффициент парной связи (χ^2), строго говоря, не описывает ни силу, ни направление связи. Мы лишь опровергаем нулевую гипотезу об отсутствии связи. Чтобы сравнить влияние представленных независимых переменных на субъективную оценку здоровья, построим бинарную логистическую регрессию. Для переменных возраста и места жительства сконструируем фиктивные переменные (табл. 4).

Таблица 4

Схема перехода от реальных переменных возраста и места жительства к фиктивным, необходимым для построения регрессионной модели

Реальные переменные	Частота, чел.	Фиктивные переменные			
		X1	X2	X3	X4
ВОЗРАСТ					
–54	265	1	0	0	0
55–57	174	0	1	0	0
58–62	249	0	0	1	0
63–71	218	0	0	0	1
72 +	198	0	0	0	0
ВЫ ЖИВЕТЕ В ИВАНОВО, ДРУГОМ ГОРОДЕ ИЛИ В СЕЛЕ, ДЕРЕВНЕ?					
Иваново	449	1	0		
другой город, поселок городского типа (в каком именно?)	508	0	1		
село, деревня (в каком именно?)	147	0	0		

Модель, состоящая из четырех реальных дихотомических переменных (пол, получение пенсии, наличие работы и высшего образования — см. табл. 3) и шести фиктивных (возрастные группы и типы населенных пунктов, где проживает респондент, — см. табл. 4), дает 68% правильных предсказаний хорошего и плохого здоровья. Причем правильность предсказания позитивной оценки личного здоровья составляет 69%, негативной — 66%.

Несмотря на значительные различия в оценках здоровья между получающими и не получающими пенсию (табл. 3), согласно построенной модели факт получения пенсии не влияет на субъективную оценку здоровья (Wald=0,261, $p < 0,610$; см. табл. 5), что повторяет

выводы некоторых зарубежных исследователей [22; 21; 29]. Можно предположить, что эскалация социального напряжения вокруг пенсионных выплат отражает скорее социальную, нежели психофизиологическую проблематику. Переход от заработной платы к пенсионному обеспечению, несмотря на все возможные социальные и личностные катаклизмы, не является ключевой проблемой, требующей поиска новых адаптационных стратегий.

С положительной оценкой здоровья в модели с высоким уровнем значимости коррелирует возраст, однако более всего эта оценка обусловлена наличием работы, высшим образованием и принадлежностью к мужскому полу (табл. 5). Остановимся на каждой переменной подробнее.

Таблица 5

Логистическая регрессионная модель детерминации позитивной оценки здоровья социально-демографическими признаками

	Переменные	B*	S.E.	Wald	df	Sig.	Exp(B)
X1	Муж. пол	0,647	0,158	16,746	1	0,000	1,909
	Возраст			27,127	4	0,000	
X2	50–54	–0,774	0,281	7,582	1	0,006	0,461
X3	55–57	–1,069	0,249	18,505	1	0,000	0,343
X4	58–62	–0,856	0,217	15,490	1	0,000	0,425
X5	63–71	–0,245	0,220	1,240	1	0,265	0,783
X6	Получает пенсию	–0,127	0,249	0,261	1	0,610	0,881
X7	Работает	1,018	0,160	40,259	1	0,000	2,768
X8	Высшее образование	0,707	0,167	18,022	1	0,000	2,028
	Место жительства			1,958	2	0,376	
X9	Иваново	–0,156	0,213	0,537	1	0,464	0,855
X10	другой город	0,047	0,207	0,052	1	0,819	1,048
	Константа	–3,384	0,672	25,368	1	0,000	0,034

*B — значение коэффициента, SE — стандартная ошибка, Wald — коэффициент Вальда, df — степени свободы, Sig. — уровень значимости, Exp(B) — экспонента от значения коэффициента.

В большей степени на субъективную оценку здоровья влияет наличие работы, независимо от того, вышел человек на пенсию или нет. Однако здесь нельзя говорить о полной детерминации. Так, Келли Рейс, Рабина Козейнзен и Дорли Диг, сопоставляя оценку здоровья работающих и неработающих в пенсионном возрасте нидерландцев, обнаружили значимые различия лишь среди тех, кто оценивает свое здоровье на «отлично» [32, р. 292]. Делая поправку на культурные и социальные различия между благополучной Голландией и Россией,

можно утверждать, что зависимость между субъективным здоровьем и трудом в числе прочего отражает объективную ситуацию: люди, имеющие значительные проблемы со здоровьем, работать не могут. И для корректного построения модели следует учитывать состояние здоровья, определенное диагностическими средствами. Однако это не оспаривает факт позитивного воздействия трудовой активности на мобилизацию внутренних ресурсов пожилого человека, самоощущение личной востребованности.

Второй по значимости фактор, определяющий субъективное физическое самочувствие, — это наличие высшего образования. Д. Райтцес и Е. Мутран объясняют эту зависимость тем, что с высшим образованием человек получает социальные навыки, позволяющие менее зависеть от окружающих, находить дополнительные возможности в пенсионном возрасте [31]. Сам факт получения диплома, конечно, не является гарантом улучшения самочувствия. Однако привычка к интеллектуальному труду, регулярное чтение и аналитические навыки, прививаемые в высшем учебном заведении, позволяют меньше зависеть от физиологических изменений организма, связанных со старением.

Третий фактор — мужской пол. Большая доля пожилых мужчин, высказывающихся о хорошем здоровье, в сопоставлении с их более ранней смертностью — казалось бы противоречивый показатель. Доводя его до абсурда, можно заключить, что хорошее самочувствие приближает смертельный исход. Чтобы избежать ложных корреляций и ошибочных выводов, следует, во-первых, различать субъективное и объективное состояния здоровья, во-вторых, не редуцировать уход из жизни лишь к проблемам со здоровьем. Полученные данные указывают на то, что мужчины реже жалуются на здоровье и не склонны определять себя в качестве больных людей. Если оставить в стороне затруднения, связанные с представлением себя другим (что происходит в ситуации интервью), позитивные ответы о здоровье как минимум указывают на лучшее самочувствие, конституируемое в разговоре. Несмотря на большие риски в старшем возрасте, мужчина сохраняет оптимизм, возможно, вследствие этого полнее и ярче чувствует свой возраст, реже расценивая прошлое как невосполнимую потерю.

Итак, позитивное физическое самочувствие в большей степени определяется наличием работы и высшего образования, нежели возрастом. Возрастной пессимизм, навязываемый идеологией медицинской, по меньшей мере, можно поставить под сомнение, указав на значимое влияние иных факторов. Другими словами, активная старость, в которой образование и посильная занятость играют ключевую роль, создает условия для сохранения хорошего самочувствия. Уход на пенсию, в большей степени ассоциируемый с пенсионными выплатами, напротив, не играет значимой роли (при наличии средств

к существованию) в оценке субъективного здоровья и не может рассматриваться как весомый фактор улучшения жизни пожилых людей.

Занятость старшего поколения

Если исходить из данных опроса, практически треть пенсионеров (включая различные категории льготников) Ивановской области продолжают работать — 301 из 951 респондента, или 32% от общего числа опрошенных. В предпенсионном возрасте (мы рассматриваем как мужчин, так и женщин 50 лет и старше) люди ищут приемлемые возможности для трудоустройства. С одной стороны, они озабочены размером предполагаемой пенсии, расчет которой так или иначе связан с заработком в последние годы. С другой — они следуют социальным стереотипам построения личной биографии, согласно которым жизнь делится на три периода: до работы (детство и юность), в работе (зрелость), после работы (пенсия) [25, р. 72]⁶. В.А. Куштанова называет такую периодизацию «индустриальной временной моделью» и связывает с ее распространенностью в российском обществе негативные коннотации, которые имеет слово «пенсионер» [4, с. 155]. Трудовая жизнь описывается линейным образом: непрерывный трудовой стаж, полное отождествление себя с полученной в молодости работой, неизменный трудовой коллектив и ограничение трудовой мобильности рамками одного предприятия. Виктор Маршалл и Филип Тэйлор называют подобную ситуацию практически пожизненного найма «фордистским жизненным контрактом» [28, р. 574], который наиболее точно описывает трудовую биографию подавляющего большинства советских людей. Продление занятости, сохранение прежнего рабочего места в таком автобиографическом представлении приравнивается к продлению активной жизни. Лишь 15% из числа людей предпенсионного возраста не работают. Большинство из них рассматривают ситуацию незанятости либо как личную трагедию, либо как временное явление, трудность, которую нужно преодолеть в самое ближайшее время. Они связывают свою жизнь с одним предприятием и после выхода на пенсию.

Анализируя особенности трудовых и социальных отношений людей старшего возраста, А.Г. Левинсон приходит к выводу, что у родившихся в 1960-е – начале 1970-х гг. возник разлом в мировоззрении, семейных и трудовых практиках [5]⁷. Именно этот период определяет людей, вошедших в трудовую жизнь в принципиально новых условиях,

⁶ Пожалуй, впервые трехуровневую периодизацию предложил Л.Д. Кэйн-младший, выделив в основе жизненного пути работу: первый период — «подготовка к работе», второй — «добывание хлеба», третий — «пенсия» [18, р. 298].

⁷ Аналогичные выводы впервые опубликованы в одноименной статье в 2005 году: Левинсон А.Г. Старость как институт // Отечественные записки. 2005. № 3.

когда прежние представления о характере и особенностях трудовых отношений были разрушены. Придерживаясь доводов А.Г. Левинсона, можно предположить, что в ближайшие десять лет, когда начнет выходить на пенсию новая когорта людей, имеющих принципиально иной опыт трудовых отношений, социальный конструкт «нормальной» и «достойной» жизни на пенсии будет меняться, приближаясь к динамичным и разнообразным практикам, типичным для развитых стран. О таких практиках Дж. Винсент пишет: «...если в XX веке жизнь делилась на четкие и стабильные периоды, организованные вокруг трудовой занятости, в новом тысячелетии подобные представления уже не отражают действительность» [35, р. 111].

Что касается России, то мы все еще имеем дело с представлениями и практиками, сформировавшимися в советский период. В первые пенсионные годы люди склонны оставаться на прежней работе. Единичны стараются попасть в другие коллективы, обращаются к другим работодателям в надежде устроиться на схожих условиях труда (заработная плата, полный рабочий день и т. д.). Тем не менее, альтернативные формы занятости, подработки у частных предпринимателей, возмездная помощь соседям получили широкое распространение за последние годы. Лишь немногим более трети мужчин и женщин отказываются от работы после выхода на пенсию. Подавляющее же большинство, как правило, первые десять пенсионных лет продолжают активную трудовую деятельность. Вместе с тем, анализируя данные международного опроса Службы Гэллапа, проведенного в 129 странах, включая Россию, в 2009 и 2010 гг., Джон Клифтон и Джинни Марлар отмечают незначительные изменения структуры занятости в возрастной группе 50–69 лет по отношению к 30–49-летним. В старшей группе ниже доля людей с полной занятостью, что компенсируется увеличением работающих неполное время, по контракту или частным договоренностям [19, р. 8]. Иными словами, независимо от представлений о пожилом возрасте, связанных с индустриальной или постиндустриальной моделью, люди не склонны следовать за когда-то установленными границами выхода на пенсию и продолжают активную трудовую деятельность еще десятилетие после официального получения статуса пенсионера.

В среднем к 68 годам большинство мужчин и женщин, проживающих в Ивановской области, прекращают работать. Среди тех, кто старше 70 лет, здесь работают всего 10% мужчин и 4% женщин, кому 65–69 лет включительно — 31% мужчин и 23% женщин (табл. 6).

Исходя из особенностей трудовой активности населения Ивановской области можно утверждать, что пожилой возраст, когда работа окончательно отходит на задний план, наступает после 70 лет. Следовательно, рубеж в 68–70 лет можно считать социальным конструктом границы «естественного» возраста (*socialtiming*), или моментом

прекращения трудовой деятельности (о концепте естественного возраста см. подробнее: [33]).

Таблица 6

Доли работающих мужчин и женщин в разных возрастных группах, % от числа опрошенных мужчин и женщин

Пол	Возраст					Итого
	50–54	55–59	60–64	65–69	+70	
женский	79	54	32	23	4	40
мужской	77	60	37	31	10	51
<i>Всего</i>	78	56	34	25	5	43

В сложившемся социально-экономическом контексте работающие люди старше 70 лет воспринимаются как исключение, вызывающее уважение или удивление, но не как пример для подражания и продолжения собственной трудовой активности. В свою очередь, пенсионеры, прекращающие работать (вне или внутри семьи) до 60–65 лет, также воспринимаются как отклоняющиеся от нормы. Их решение может быть оправдано лишь болезнью или иными не менее весомыми причинами. Другими словами, седьмой десяток в жизни современного человека конституируется как возраст ухода от каких-либо форм занятости. На вопрос Левада-Центра «в каком возрасте начинается старость?» (общероссийский опрос, выборка 1600 чел., 2011 г.) среднее по всем ответам значение составило 60 лет, медиана приходится на период 60–69 лет [5, с. 54–55, 59]. По всей видимости, старость как определение, несущее негативные коннотации, связывается с периодом прекращения трудовой активности, вносящей, пожалуй, основной вклад в формирование идентичности современного человека.

Опираясь на субъективную оценку людей, вышедших на пенсию в разные годы, К. Рейс, Р. Козейнзен и Д. Диг обнаружили, что позитивные («отличное» и «хорошее» здоровье) ответы чаще дают люди, отказавшиеся от работы в 60 лет. Выход на пенсию раньше или позже сопровождается снижением субъективных оценок здоровья [32, р. 299]. На этом основании нидерландские исследователи предположили, что в их стране этот возраст можно считать «естественным» и социально одобряемым началом пенсии для всех категорий граждан. Если в Ивановской области шестидесятилетие воспринимается как только начало возможного прекращения работы, в Голландии на этот год приходится медианное значение, что указывает на смещение европейского представления о «естественном» пенсионном возрасте на более ранние годы. Отчасти это связано с последствиями проводимой политики стимулирования раннего выхода на пенсию (на данный момент

большинство стран отказались от таковой), отчасти — с особенностями общественного сознания, возможно, менее стигматизирующего жизнь на пенсии.

В первые пенсионные годы женщины в Ивановской области гораздо чаще мужчин продолжают работать.

После выхода на пенсию, с 55 по 59 лет включительно, 54% женщин трудоустроены; среди мужчин за аналогичный возрастной период (60–64 года) количество работающих составляет 37% (табл. 6). Если здоровые женщины отказываются от работы при выходе на пенсию, то, как правило, это связано с ведением домашнего хозяйства (фрагмент 1) или занятостью в семье (забота о внуках, уход за больными родственниками и т. д.).

Фрагмент 1

Женщина, 75 лет, с. Архиповка Савинского р-на

1. *И:* А почему вы не работали? Вам достаточно было, пенсии хватало,
2. или у вас здоровье было плохое? Причину какую-то можете назвать?
3. Почему не работали?
4. *Р:* Мне хватало пенсии, можно сказать, потому что я... У меня было
5. своё личное хозяйство (*пауза*). И мне хватало этого.
6. *И:* Угу.
7. *Р:* То есть у меня были две козы, поросенок, куры... Мне хватало.
8. (*Пауза*) Достаточно.

Несмотря на то, что в среднем в каждой возрастной когорте количество работающих мужчин пенсионного возраста больше на 6 процентных пунктов, чем женщин, в привязке к годам выхода на пенсию наблюдается существенная разница в трудовой активности гендерных групп. Это может указывать на искусственное гендерное различие законодательно установленного пенсионного возраста. Как женщины, так и мужчины обладают примерно равными физическими и ментальными возможностями для продолжения трудовой деятельности. Гендерные различия скорее опосредованы особенностями трудовых отношений, в которые вступали мужчины и женщины [24; 31], нежели психофизиологическими качествами, имеющими отношение к полу. С увеличением сфер занятости, все менее чувствительных к половозрастному разделению (речь прежде всего о «белых воротничках» [23, р. 203; 36, р. 448]), говорить о женском и мужском типе занятости ошибочно. Видимо, поэтому все чаще в регрессионных моделях независимая переменная «пол» оказывается незначимой (см., например: [32, р. 301]), или обнаруженная корреляция объясняется иными социальными причинами.

Установленные правовые нормы скорее отражают институционально укорененные стереотипы, нежели реальные половозрастные различия. Выходя на пенсию в 60 лет, мужчины имеют десятилетний лаг для адаптации к изменяющимся условиям занятости. У женщин,

выходящих на пенсию в 55 лет, адаптационный период составляет уже 15 лет. Фактически же для большинства женщин мы имеем все тот же десятилетний период, поскольку значительная их часть продолжает работать. За десять лет можно, постепенно снижая трудовую нагрузку, подойти к посильным формам занятости, не травмируя себя одноразовым и категоричным решением прекратить работу.

Зачастую выход на пенсию отождествляется с получением пенсионного обеспечения, гарантированного государством. В рамках либеральной концепции следует различать эти сущности. Выход на пенсию, или прекращение активной трудовой деятельности, — чрезвычайно важный вопрос для прогнозирования занятости старшего поколения, обладающего уникальными знаниями и навыками. В макроэкономической перспективе мы имеем дело, прежде всего, с планированием трудовых ресурсов, а не с нагрузкой на национальную экономику в связи с необходимостью содержать неработающую часть населения. Соответственно, пенсионное обеспечение в современном мире, замечает В. Мау, должно строиться на принципах диверсификации, индивидуализации и приватизации:

Пенсионная стратегия будет все более индивидуальной, а в основе ее будут лежать четыре альтернативных способа организации жизни после ухода от активной трудовой деятельности. Во-первых, государственная пенсия (социальная и накопительная). Во-вторых, частные пенсионные накопления, включая корпоративные пенсионные системы. В-третьих, вложения в недвижимость, на ренту от которой можно жить в старости (типичная пенсионная стратегия москвичей со средним достатком). Наконец, в-четвертых, вложения в семью, которая в старости будет служить пожилому человеку опорой [6].

Можно лишь заметить, что предлагаемый перечень пенсионных стратегий уже реализуется населением Ивановской области. То, что может быть представлено в качестве радикальной реформы, — не более чем легализация естественных адаптационных стратегий. Речь должна идти о приведении в соответствие государственной активности (мероприятий и программ) с реалиями повседневной жизни граждан.

Обязанностью государства в этом случае становится не гарантирование пенсионной выплаты по достижении определенного возраста, а регулирование рынка занятости пожилых и материальное обеспечение наиболее нуждающейся, незащищенной группы, как правило, уже преодолевшей 70–80-летний возрастной рубеж. Обеспечение возможности работать в пожилом возрасте нельзя считать новым явлением (см., например: [15, с. 113]). Действительно новаторской становится принципиальная возможность легального выбора из множества альтернативных предложений на основании личных предпочтений, а не «фордистского контракта» (по В. Маршаллу и Ф. Тэйлору), раз и навсегда определившего допустимую форму занятости. Открытого

разговора о легитимных трудовых практиках в пенсионном возрасте, исключающего угрозы и страхи, обусловленные возможными односторонними изменениями «правил игры», — вот чего не хватает для формирования грамотной социальной политики в стране.

Отношение людей старшего возраста к обучению и труду

Из 1204 опрошенных жителей Ивановской области в возрасте 50 лет и старше большинство составляют неработающие пенсионеры — 54%, в то же время количество неработающих в предпенсионном возрасте минимально и граничит со статистической ошибкой выборки (рис. 2).

		Вы сейчас работаете?	
		да	нет
Вы получаете пенсию?	да	Работающие пенсионеры 25%	Неработающие пенсионеры 54%
	нет	Работающие предпенсионного возраста 18%	Неработающие предпенсионного возраста 3%

**Рис. 2. Профессиональный статус респондентов,
% от всей совокупности опрошенных**

Наша задача — выяснить, насколько каскадное увеличение числа неработающих в пенсионном возрасте (о котором можно судить по данным из табл. 6) связано с объективными психофизиологическими причинами, старением или нежеланием работать, а насколько — с социально-экономическими факторами, блокирующими доступность труда для граждан старшего возраста.

Отношение к обучению: глина, керамика, вода и песок

Мишель Уайт отмечает, что вовлеченность в работу связана не только с экономическими, но и с социальными, эмоциональными и символическими факторами [36, р. 450]. Вовлеченность в трудовую деятельность, если она не обусловлена лишь базовыми потребностями, связана с творческим началом, способностью человека решать те или иные задачи, развиваться. Реальная готовность к обучению представляет собой один из базовых показателей, отражающих творческий подход к труду, — необходимое условие поддержания эффективности и производительности в эпоху инноваций и преобразований. В современном мире сложился стереотип, отказывающий людям старшего возраста в способности к обучению и восприятию нового [3; 9]. «Ценз в 35–40 лет, введенный нынешними работодателями для

приема на “хорошую работу”, отмечает факт утраты человеком в силу возраста неких психофизиологических качеств (подвижность психики, гибкость, физическая сила... и проч.)» [5, с. 53]. В том числе из-за этого в старших возрастных группах преобладают более простые формы занятости, как правило, сопровождаемые частичным наймом [30; 26]. С выходом на пенсию люди склонны или вынуждены менять прежнюю работу на менее квалифицированную, с годами занимая и вовсе не требующие какого-либо образования должности дворников, сторожей, гардеробщиков, сиделок и т. д. Но так ли фатально и необходимо подобное кардинальное изменение типа занятости? Так ли безальтернативен отказ от обучения среди людей старшего возраста? Насколько складывающаяся ситуация обусловлена стереотипами и социальными конструктами? Способствуют ли ее конституированию сами пожилые, или это результат давления со стороны более молодых поколений, работодателей или общественного мнения?

Респондентам задавались два вопроса, затрагивающие тему образования людей старшего возраста (табл. 7). Первый — общего типа, второй — частный, имеющий отношение к личным представлениям респондента. Тем самым реализована стратегия «воронки», движения от общего к частному, описанная в работах американских методистов, С. Садмена и Н. Брэдберна (см. подробнее: [11]).

Таблица 7

Распределение ответов на вопросы об отношении к обучению людей старшего возраста

Вопросы	Группы ответов		3/о	Итого
	да	нет		
По вашему мнению, если говорить в целом, способны или не способны люди старшего возраста учиться, приобретать новые знания?				
абс. знач., чел.	780	272	152	1204
% по строке	65	23	13	100
Хотели бы вы лично пройти обучение, получить новые знания, навыки?				
абс. знач., чел.	410	760	34	1204
% по строке	34	63	3	100

На вопрос о способности людей старшего возраста учиться и приобретать новые знания положительно ответили 65% опрошенных, однако о собственной готовности к этому заявили лишь 34% (табл. 7). Столь ортогональные различия указывают на разрыв между ожиданиями и представлениями, социально одобряемыми нормами и обыденными практиками. В такой ситуации полезно рассмотреть несколько вариантов ответов, что позволяет построить типологию отношения к обучению (рис. 3).

		Хотели бы Вы лично пройти обучение, получить новые знания, навыки?		
		да	нет	з/о
По Вашему мнению, если говорить в целом, способны или не способны люди старшего возраста учиться, приобретать новые знания?	да	глина 30%	керамика 33%	2%
	нет	вода 2%	песок 20%	0%
	з/о	2%	10%	1%

Рис. 3. Отношение к обучению людей старшего возраста

Положительные ответы на вопрос о способностях пожилых людей к обучению и собственной готовности учиться дает группа гибких, восприимчивых к новому людей, не только позитивно смотрящих на мир, но и заявляющих о своем намерении поучаствовать в его обновлении (фрагмент 2).

Фрагмент 2

Женщина, 73 года, г. Иваново

1. *И:* А по вашему мнению, если говорить в целом, способны или
2. не способны люди старшего возраста учиться, приобретать
3. новые знания и умения? (*Пауза*) Как вы думаете?
4. *Р:* Конечно. Я, например, на все способна. Я вот, например, и
5. работу до сих пор беру.

«Я, например, на все способна» (строка 4, фрагмент 2) с выделением «на все» нельзя воспринимать как браваду или хвастовство. В таком возрасте и в контексте разговора с незнакомым человеком вряд ли у женщины есть мотивы что-то приукрашивать. Она не отличает себя от других, а лишь приводит свою позицию в качестве примера. Отметим двойной повтор «например» (строка 4). Женщина лишней раз подчеркивает обыденность собственного положения, типичность для людей ее круга интересоваться новым, находить работу.

Назовем группу, которую представляет эта пожилая женщина, «глиной» — по названию материала эластичного и способного принимать любые формы. Как правило, это люди предпенсионного возраста — 46% среди опрошенных до 54 лет, живущие в областном центре (34%) и имеющие высшее образование (46%). Их отличает знакомство с интернетом и обращение в глобальную сеть не реже нескольких раз в месяц (53%) (табл. 8; обозначения «керамика», «вода», «песок» поясним ниже). Заканчивающаяся трудовая гонка подталкивает их к переосмыслению своего места в жизни, поиску новых возможностей, целей, надежд на свою новую отдачу и востребованность со стороны семьи и друзей.

Таблица 8

Социально-демографические характеристики людей старшего возраста, сгруппированных в зависимости от их отношения к обучению

Переменные	Распределение по группам, % по строке				Итого ответивших, чел.
	гли-на	кера-мика	во-да	пе-сок	
ПОЛ					
муж	31	33	4	32	334
жен	30	35	4	31	870
<i>Итого</i>	30	35	4	31	1204
ВОЗРАСТ					
-54	46	26	7	21	287
55-57	35	37	4	24	195
58-62	33	35	4	28	271
63-71	23	43	2	32	236
72 +	9	33	2	55	215
<i>Итого</i>	30	35	4	31	1204
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС					
работающие пенсионеры	34	41	4	21	301
работающие предпенсионного возраста	43	25	8	25	215
неработающие пенсионеры	23	36	3	38	650
безработные предпенсионного возраста	45	24	3	29	38
<i>Итого</i>	30	35	4	31	1204
МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА					
г. Иваново	34	36	3	27	477
другой город, ПГТ	28	34	5	33	554
село, деревня	25	34	4	38	157
<i>Итого</i>	30	35	4	31	1188
ОБРАЗОВАНИЕ					
неполное среднее	7	34	3	55	116
среднее общее	21	37	4	38	282
среднее специальное	32	32	5	32	505
незаконченное высшее	29	36	14	21	14
высшее	46	37	2	14	283
<i>Итого</i>	30	35	4	31	1200
ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ИНТЕРНЕТА					
да	53	31	3	13	328
нет	22	36	4	38	876
<i>Итого</i>	30	35	4	31	1204

Верящие в способности людей старшего возраста к обучению, но отказывающие себе в таковом, определяются нами как устойчивые, полностью сформировавшиеся личности, понимающие окружающий мир и свое место в нем (группа «керамика»). Отказ от обучения для них скорее мотивирован не апатией и невозможностью узнать что-то новое, а необходимостью прилагать специальные усилия для переучивания, что требует весомых причин, среди которых — невосребованность уже имеющихся навыков и умений (фрагмент 3).

Фрагмент 3

Мужчина, 66 лет, г. Кинешма

1. *И:* Скажите, пожалуйста, если говорить в целом, по вашему мнению,
2. способны или не способны люди старшего возраста учиться, приобретать
3. новые знания или умения? Способны, скорее способны, скорее не
4. способны и не способны?
5. *Р:* Да что вы! Медведя даже учат кататься. Но дело в том, что тяжело
6. переучиваться в таком возрасте на что-то другое.
7. *И:* Ну то есть скорее способны все же?
8. *Р:* Способны, способны.
9. *И:* А хотели бы вы лично пройти обучение, получить новые знания
10. или навыки: да, скорее всего да, скорее всего нет и нет?
11. *Р:* Я бы хотел получить. Но дело в том, что я работаю и моя
12. специальность [слесарь] всегда нужна будет любой власти.

Мужчина пенсионного возраста продолжает работать слесарем. Сразу соглашаясь с тем, что пожилые могут получать новые знания («медведя даже учат кататься»; строка 5, фрагмент 3), он добавляет, что его работа востребована (строки 11–12) и потому насущной необходимости в обучении как бы и нет. Ответ на первый вопрос не столь однозначен: «но дело в том, что тяжело переучиваться в таком возрасте» (строки 5–6). Действительно, в старшем возрасте может потребоваться больше усилий на обучение. Однако принципиально он не видит никаких препятствий для этого (строка 8). Хотя все речевые конструкции респондента состоят из парных взаимоисключающих утверждений, связанных частицей «но», уверенный, спокойный тон указывает, что в их основе лежат большой опыт и рассудительность. Некоторая амбивалентность высказываний скорее говорит о понимании сложности ситуации, необходимости прилагать усилия, а не о неуверенности или сомнении в способности научиться. Для этого нужна лишь весомая причина, не повод, а именно насущная необходимость.

Обычно в группу «керамика» попадают люди наиболее активного пенсионного возраста от 55 до 70 лет, как правило, еще не отказавшиеся от работы (41%), дополняющие ее личными увлечениями и заботой о семье (табл. 8). Они верят в способности изменяться и обучаться, но сами не хотят это делать. В керамику превращается глина в умелых руках мастера, путем термической обработки. Поэтому обучение для удовлетворения любопытства или из азарта не подходит

для этих людей. Основательность и обдуманность поступков — вот ключевая характеристика типичных представителей группы.

Заявляющие о желании учиться, но не верящие в способности таких людей, как они, пройти обучение, подобны воде, которая заполняет новые места, но течет лишь в заданном направлении. Из социальных характеристик для группы «вода» наиболее типично незаконченное высшее образование (14%) как символ нереализованных амбиций, задавших дальнейшую жизненную траекторию.

И наконец, отказывающие и себе, и другим в способности к обучению, приобретению новых знаний похожи на песок, бесцветный и безжизненный. Обремененные заботами и бесконечными проблемами, эти люди находятся в мире безысходных ожиданий и безответных жалоб, которые и питают их волю к жизни. Это, как правило, сельские жители (38%) с неполным средним образованием (55%), не умеющие пользоваться интернетом (38%), давно не работающие (38%) (табл. 8). Живущие восьмой десяток (55%), они многое повидали и во многом разочаровались, окончательно потеряв веру в какие-либо изменения в собственной судьбе. Представители именно группы «песок» служат архетипичными примерами для конструирования образа беспросветной и безрадостной старости [Преснякова, 2005], активно эксплуатируемого средствами массовой информации.

Независимо от высказываемой позиции, доминирующим стимулом к обучению у людей старшего возраста остается внешний, предзаданный ситуацией в семье. Учиться нужно не для себя, а для внуков (строка 5, фрагмент 4). Своя жизнь, личные интересы после выхода на пенсию у многих (чаще у женщин) начинают полностью подчиняться семье.

Фрагмент 4

Женщина, 62 года, пос. Палех

1. *И:* А скажите, пожалуйста, вот вы бы лично хотели бы пройти
2. обучение, получить новые знания, навыки?
3. *Р:* Да ну, что мне, вот когда (*смех*).
4. *И:* Теперь уже нет (*смех*).
5. *Р:* Внук пойдет учиться. Компьютеру надо с ним учиться. Я в
6. это не вникала никогда.

Сам факт востребованности образования пожилым человеком, склонности к получению новых знаний существенным образом меняет его социальную позицию. Этот человек уже может рассматриваться не как доживающий свой век, получающий гарантированную пенсию и коротающий досуг, а в качестве проектировщика собственной судьбы, независимо от бытующих в социуме стигматов старшего возраста.

Индекс позитивного отношения к труду

Представления о роли пожилых в трудовых отношениях измерялись с помощью аттитюдных вопросов. Предлагалось согласиться

или не согласиться с двумя позитивными и двумя негативными утверждениями о людях старшего возраста (табл. 9).

С тем, что пожилые отдают больше времени и сил работе по сравнению с молодыми, согласились 75% опрошенных, а с тем, что пожилые сотрудники — опора в самых сложных ситуациях — 77%. В то же время, разделили негативную оценку утверждения об отсутствии мотивации у пожилых 27%, о неспособности пожилых воспринимать новое — 40% (табл. 9). Кроме того, наиболее частотным набором ответов оказалось согласие со всеми четырьмя утверждениями⁸.

Таблица 9

Представления о мотивации и работе пожилых*

Утверждение	Ед. изм.	Варианты ответов			Итого
		да	нет	з/о	
Обычно пожилые сотрудники, в сравнении с молодыми, больше времени и сил отдают работе	чел.	906	162	136	1204
	%	75	13	11	100
У большинства пожилых людей отсутствует достаточная мотивация, они не стремятся к карьерному росту	чел.	701	322	181	1204
	%	58	27	15	100
Большинство пожилых сотрудников не способны воспринимать новое, работают по старинке	чел.	582	481	141	1204
	%	48	40	12	100
Как правило, пожилые сотрудники в организации — опора в самых сложных рабочих ситуациях	чел.	922	145	137	1204
	%	77	12	11	100

⁸ Сложность восприятия негативных вопросных конструкций, с одной стороны, и доминирование ответных стратегий, направленных на согласие с задаваемыми вопросами, с другой, давно обсуждается в методической литературе. Для определения валидности и надежности сконструированного набора признаков требуется проведение пилотажа не самих формулировок, а их конфигураций в общем наборе предлагаемых альтернативных вопросов. Пока не ясно направление систематического смещения; единственным способом приемлемого агрегирования данных может считаться простое сложение однопорядковых переменных с последующим рассмотрением относительных показателей. В этом случае мы не выносим внешних суждений о совокупности, а ведем речь лишь о статистических различиях между выделяемыми группами. Кроме того, желательным исключить из рассмотрения те наборы переменных, которые могут отражать согласительные, нерелевантные, нерелевантные стратегии отвечающих.

* Формулировки утверждений приведены в точности, однако интервьюерам предлагалось кодировать по четырехразмерной шкале: согласен, скорее согласен, скорее не согласен, не согласен. Ответы «согласен» и «скорее согласен» объединены в категорию «да», ответы «скорее не согласен», «не согласен» — в категорию «нет».

Выделены ответы, отражающие позитивные оценки роли и места пожилых людей в трудовых отношениях.

Просуммировав все ответы, характеризующие позитивное отношение к роли пожилых в трудовом процессе, мы получили распределение, приближающееся к нормальному, в котором основные меры средней тенденции (мода, медиана и средняя) совпадают (рис. 4).

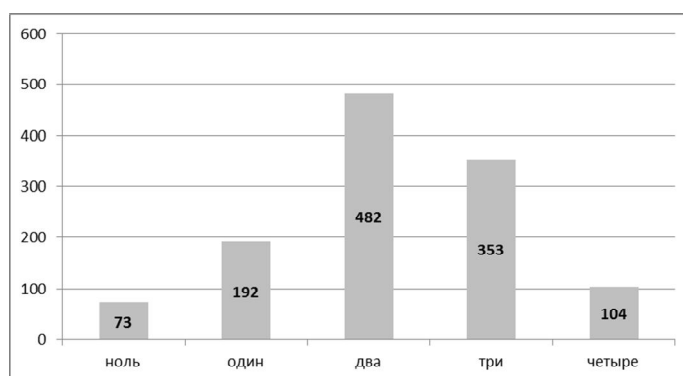

Рис. 4. Распределение количества позитивных оценок роли и места пожилых в трудовых отношениях
(даны каждым респондентом по четырем вопросам, см. табл. 2)

Исключая из расчетов среднюю, наиболее частотную конфигурацию ответов, в которой примерно половина складывается из согласительных стратегий (все ответы положительные), можно оценить уровень позитивных интерпретаций. Разность между наибольшим (четыре или три) и наименьшим (менее одного включительно) количеством положительных ответов дает индекс позитивного отношения к труду:

$$I_{\text{пот}} = D_{(3-4)} - D_{\text{л}(0-1)},$$

где $I_{\text{пот}}$ — индекс позитивного отношения к труду,

$D_{(3-4)}$ — доля позитивных ответов по трем или четырем аттitudным вопросам из четырех возможных,

$D_{\text{л}(0-1)}$ — доля позитивных ответов по менее чем одному вопросу включительно.

Индекс показывает, на сколько процентных пунктов различаются доли оптимистичных и пессимистичных ответов. Иными словами, на сколько процентных пунктов для отобранной группы количество людей, скорее позитивно относящихся к труду пожилых, больше, нежели число оценивающих его негативно.

Наиболее позитивное отношение к труду — у представителей группы, которую мы образно назвали «глиной», — восприимчивые к новому, выражающие желание и готовность пройти обучение. Как правило, это люди с высшим образованием, пользователи интернета, проживающие в Иваново. Отрицательные значения индекса получены по группе «песок», в которой отрицается способность пожилых к обучению. Чаще всего в нее попадают люди старше 72 лет, не имеющие среднего образования (табл. 10).

Таблица 10

Отношение к труду пожилых в пространстве признаков людей старшего возраста

Признаки	Количество позитивных ответов, % по строке					Итого, чел.	Индекс позитивного отношения к труду пожилых, %-ые пункты
	0	1	2	3	4		
ТИПОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЯ К ОБУЧЕНИЮ							
песок	12	23	40	23	3	377	-8
вода	4	23	30	28	15	47	15
керамика	4	16	43	29	8	417	16
глина	3	7	38	37	14	363	41
<i>Итого</i>	6	16	40	29	9	1204	16
ПОЛ							
жен.	7	16	41	29	7	870	13
муж.	3	17	37	31	12	334	22
<i>Итого</i>	6	16	40	29	9	1204	16
ВОЗРАСТ							
72+	14	26	33	23	4	215	-13
63–71	8	19	41	28	5	236	6
58–62	3	10	45	34	7	271	29
55–57	5	13	44	27	12	195	22
50–54	3	14	37	32	14	287	30
<i>Итого</i>	6	16	40	29	9	1204	16
МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА							
село, деревня (в каком именно?)	7	18	40	30	4	157	9
другой город, поселок городского типа (в каком именно?)	7	17	40	28	8	554	12
г. Иваново	5	14	40	30	11	477	23
<i>Итого</i>	6	16	40	29	9	1188	16

ОБРАЗОВАНИЕ							
высшее	4	12	38	34	12	283	30
незаконченное высшее	7	14	57		21	14	0
среднее специальное	4	16	38	32	9	505	21
среднее общее	7	17	43	26	7	282	10
неполное среднее	16	24	42	16	2	116	-23
<i>Итого</i>	6	16	40	29	9	1200	16
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС							
безработные предпенсионного возраста	3	18	32	39	8	38	26
неработающие пенсионеры	9	20	41	24	7	650	1
работающие предпенсионного возраста	1	14	37	33	14	215	33
работающие пенсионеры	4	8	42	38	9	301	35
<i>Итого</i>	6	16	40	29	9	1204	16
ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ИНТЕРНЕТА							
да	3	8	38	35	16	328	40
нет	7	19	41	27	6	876	7
<i>Итого</i>	6	16	40	29	9	1204	16

Возраст, место жительства, уровень образования и отношение к нему оказываются наиболее сильными детерминантами, влияющими на оценку трудовой активности людей старшего возраста. Налицо взаимосвязанные переменные, характеризующие общий настрой пожилого человека, либо направленный на доживание своего века, либо формирующий некоторый вызов, интерес не только к окружению, но и к себе как активному со-участнику, способному изменяться и принимать изменения других.

Опираясь на данные массового опроса⁹, А.В. Писарев отмечает, что при весьма пессимистичном описании пожилых людей в качестве обездоленных и нуждающихся, большинство ответивших указывают на то, что они обладают значительным «человеческим потенциалом»

⁹Характеристики исследования не указаны. Точные формулировки вопросов отсутствуют. Автор ограничивается короткой ремаркой, что в 2001 году «опрошено 1755 человек старше 18 лет во всех регионах России». Поэтому нельзя оценить достоверность приводимых А.В. Писаревым количественных показателей, и мы отказываемся от их упоминания в тексте.

[8, с. 52]. По всей видимости, речь идет прежде всего о той части пожилых людей, которые при наличии высшего образования заинтересованы в постоянном обучении, живут в крупных городах и освоили интернет. Это не значит, что люди, живущие в других социальных условиях, совершенно невосприимчивы к новому и социально пассивны. Речь идет лишь о средних тенденциях, за которыми скрыто значительное разнообразие социальных и экономических практик старшего возраста. Стремление критически настроенных обществоведов наделить пожилых людей единым, неизменным статусом¹⁰ чревато не только возникновением методических ошибок, но и социальным эффектом стигматизации столь разнородной группы населения.

Либерализация старения в первую очередь предполагает отказ от линейного, одномерного рассмотрения жизни в старшем возрасте. Е.Ю. Рождественская упоминает о популярной в европейских странах социальной политике, направленной на поиск баланса между работой и жизнью [10, с. 446]. Основанная на либеральных ценностях политика установления баланса между трудом и личной жизнью особенно актуальна в старших возрастных группах, относительно которых в публичном дискурсе все еще доминируют представления о монотонном и линейном дожитии как единственной стратегии.

Выводы

1. Активно обсуждаемые в публичном пространстве возможные либеральные преобразования в политической, правовой и экономической сферах жизнедеятельности людей старшего возраста на деле уже реализуются населением. Лишь незначительная часть ивановцев прекращают трудовую деятельность с выходом на пенсию. Вовлекаясь в различные формы трудовой активности (продолжение работы на прежнем месте, частичный найм, ведение личного подсобного хозяйства в целях продажи продуктов труда и т. д.), они реализуют различные стратегии активного старения. Сохраняя на словах предельно патерналистское отношение к государству, которое должно отдавать долги в виде пенсионных начислений, люди старшего возраста

¹⁰См., например, обобщение А.Г. Левинсона о старшем возрасте: «Пенсионеры в нашем обществе — категория с наиболее определенным и неизменным статусом и с наиболее сильным сознанием своего статуса. Этот статус низкий, но весьма четко определенный, он также силен своей массовостью. Эти люди знают, что их много и что у них одинаковые проблемы и одинаковые взгляды. Другой такой массовой однородной категории в российском обществе нет. Именно эта группа считает государство своим основным коммуникативным партнером. Эта группа состоит в общении с государством через три канала. Это общение через деньги, общение через социальные услуги и общение через СМИ» [5, с. 76].

самостоятельно производят добавочный продукт и обеспечивают средства к существованию не столько для себя, сколько для своих семей.

2. Объяснение работы в пенсионном возрасте лишь экономическими мотивами, нуждой и недостатком пенсионного обеспечения представляется ошибочным. Главнейшим стимулом для продолжения трудовой занятости после выхода на пенсию остается востребованность и включенность в социальные и профессиональные отношения.

3. Вопреки расхожим представлениям о неизбежной зависимости здоровья от возраста большее влияние на субъективную оценку здоровья оказывает не возраст, а наличие высшего образования, текущей занятости, разнообразия в трудовых практиках. Люди, имеющие навыки самостоятельного распоряжения свободным временем, эрудированные и включенные в различные социальные сети, чувствуют себя гораздо лучше тех, кто возлагает надежду лишь на внешнюю опеку и заботу со стороны государства.

4. Стратегии трудовой занятости слабо соотносятся с датами выхода на пенсию. В частности, доля женщин, продолжающих работать после официального выхода на пенсию, примерно сопоставима с долей работающих мужчин в этом же возрасте. С годами количество работающих женщин начинает сокращаться теми же темпами, которые наблюдаются у мужчин старше шестидесяти. Гендерные различия, установленные на законодательном уровне, в современных условиях выглядят искусственными и не отражающими особенности организации труда.

5. Период от 60 до 70 лет можно считать адаптационным для перехода от третьего возраста (с частичной занятостью, значительным свободным временем и включением в экономические отношения в качестве зарабатывающего субъекта) в четвертый возраст — нужды во внешней опеке и заботе. К семидесяти годам большинство жителей Ивановской области перестают работать.

6. Люди старшего возраста обладают большим потенциалом для продолжения образования, умножения и дифференциации личных знаний. Треть опрошенных выражают готовность пройти дополнительное обучение. Из них подавляющее большинство предполагает аналогичные возможности и у сверстников. Проблема исключения пожилых из образовательного процесса кроется не в их неспособности или непригодности к обучению, а в бытовых предрассудках и недоработанной социальной политике государства.

7. Навязываемый в средствах массовой информации образ пожилого человека как угнетенного и оторванного от жизни, как «человека советского», несущего на себе груз ушедшей эпохи, обладает стигматизирующим воздействием. Даже талантливые, с огромным

опытом, навыками и умениями люди не всегда могут справиться с общим дискурсивным фоном, определяющим их недееспособность в современном мире. Чрезвычайно важно в СМИ и науке перейти от риторики проблем, лишений и неудач к описанию судеб, драм и реальных достижений старшего поколения, личные истории которого входят в общую историю страны.

8. Репрезентативная выборка по Ивановской области, где проведено исследование, позволяет с известными допущениями распространять полученные результаты и на жителей Иванова. Однако в текст уже включены более общие генерализации, претендующие на общероссийский уровень. Для подтверждения или опровержения представленных суждений требуется проведение серии общероссийских опросов, в которых должна быть актуализирована поднимаемая тематика.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вшинецкий А.* Похвала старению // Отечественные записки. 2005. № 3.
2. *Григорьева И.А.* Политика рационализации социальных обязательств в отношении пожилых // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 4. С. 431–450.
3. *Краснова О.* Порождение заблуждений: пожилые люди и старость // Отечественные записки. 2005. № 3.
4. *Куштанова В.А.* Выход на пенсию как момент пересмотра идентичности // Мир России. 2008. Т. 17. № 4. С. 152–163.
5. *Левинсон А.Г.* Институциональные рамки старости // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2011. Т. 109. № 3. С. 52–81.
6. *Мау В.А.* Пенсия как личный выбор // Ведомости. 2012. 3 августа [электронный ресурс]. Дата обращения 25.08.2012. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/2480281/pensiya_i_my>.
7. *Назаров В.* Обещая обеспечить вашу старость, государство непременно заберет у вас что-то взамен // Известия. 2011. 18 октября [электронный ресурс]. Дата обращения 29.08.2012. URL: <<http://izvestia.ru/news/504272>>.
8. *Писарев А.В.* Образ пожилых в современной России // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 51–56.
9. *Преснякова Л.* Социальный, материальный и эмоциональный климат старости в России // Отечественные записки. 2005. № 3.
10. *Рождественская Е.Ю.* Возможности концепции баланса жизни и труда на фоне изменений биографического тайминга // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 4. С. 439–454.
11. *Садмен С., Брэдберн Н.* Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструмента / Пер. с англ. А.В. Виницкой; Под ред. Д.М. Рогозина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
12. *Сафарова Г.* Демографические аспекты старения населения России // Отечественные записки. 2005. № 3.
13. *Синявская О.В.* Перспективы повышения пенсионного возраста в России // Научные доклады ASPE. 2002. № 9.

14. *Смирнова Т.В.* Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 49–55.
15. *Сонин М.Я., Дыскин А.А.* Пожилой человек в семье и обществе. М.: Финансы и статистика, 1984.
16. *Atchley R.C.* Continuity and adaptation in aging: Creating positive experiences. New York: Johns Hopkins University Press, 2000.
17. *Bengtson V.L., Putney N.M., Johnson M.L.* The problem of theory in gerontology today // The Cambridge handbook of age and ageing / Ed. by M.L. Johnson; Association with V.L. Bengtson, P.G. Coleman, T.L. Kirkwood. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 3–20.
18. *Cain L.D., Jr.* Life course and social structure // Handbook of modern sociology / Ed. by E.L. Faris. Chicago: Rand McNally, 1964. P. 272–309.
19. *Clifton J., Marljar J.* Good jobs: The new global standards // Gallup research reports. 2011 [online]. Date of access 16.08.2012. URL: <<http://www.gallup.com/poll/116431/Research-Reports.aspx>>.
20. *Cooke M.* Policy changes and the labour force participation of older workers: Evidence from six countries // Canadian Journal on Aging. 2006. Vol. 25. No. 4. P. 387–400.
21. *Ederdt D.J., Bosse R., LoCastro J.S.* Claims that retirement improves health // Journal of Gerontology. 1983. Vol. 38. No. 2. P. 231–236.
22. *Ekerdt D.J., Bosse R.* Change in self-reported health with retirement // International Journal of Aging and Human Development. 1982. Vol. 15. No. 3. P. 213–223.
23. *Hansson R.O., Dekoekkoek D.P., Neece W.M., Patterson D.W.* Successful aging at work: Annual review, 1992–1996: The older worker and transitions to retirement // Journal of Vocational Behavior. 1997. Vol. 51. P. 202–233.
24. *Kim J.E., Moen P.* Retirement transitions, gender, and psychological well-being: A life-course, ecological model // Journals of Gerontology: Psychological Sciences. 2002. Vol. 57. No. 3. P. 212–222.
25. *Kohli M.* The world we forgot: A historical review of the life course // Later life: The social psychology of aging / Ed. by V.W. Marshall. London: Sage, 1986. P. 271–303.
26. *Lissenburgh S., Smeaton D.* Employment transitions of older workers. York, UK: Policy Press, 2003.
27. *Loretto W., White P.* Employers' attitudes, practices and policies towards older workers // Human Resource Management Journal. 2006. Vol. 16. No. 3. P. 313–330.
28. *Marshall V.W., Taylor P.* Restructuring the lifecourse: Work and retirement // The Cambridge handbook of age and ageing / Ed. by M.L. Johnson; Association with V.L. Bengtson, P.G. Coleman, T.L. Kirkwood. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 572–582.
29. *Mojon-Azzi S., Sousa-Poza A., Widmer R.* The effect of retirement on health: A panel analysis using data from the Swiss Household Panel // Swiss Medical Weekly. 2007. Vol. 41. P. 581–585.
30. *Quinn J.F., Burkhauser R.V.* Work and retirement // Handbook of aging and the social sciences / Ed. by R.H. Binstock, L.K. George. 3rd ed. San Diego: Academic Press, 1990. P. 307–327.

31. *Reitzes D.C., Mutran E.J.* The transition to retirement: Stages and factors that influence retirement adjustment // *International Journal of Aging and Human Development*. 2004. Vol. 59. No. 1. P. 63–84.
32. *Rijs K.J., Cozijnsen R., Deeg D.J.* The effect of retirement and age at retirement on self-perceived health after three years of follow-up in Dutch 55–64 year olds // *Ageing and Society*. 2012. Vol. 32. No. 2. P. 281–306.
33. *Settersten R.A., Hagestad G.O.* What's the latest? Cultural age deadlines for educational and work transition // *Gerontologist*. 1996. Vol. 36. No. 5. P. 649–656.
34. *Van Solinge H., Henkens K.* Couples' adjustment to retirement: A multi-actor panel study // *Journal of Gerontology*. 2005. Vol. 60. No. 1. P. 11–20.
35. *Vincent J.* Oldage. New York: Routledge, 2003.
36. *White M.* Older employees under pressure? Theorizing reasons for declining commitment // *Work Employment Society*. 2012. Vol. 26. No. 3. P. 447–463.